

◆ ЭЛВИН ◆
ГАМИЛЬТОН

ПЕСКИ

НАСЛЕДИЕ ДЖИННОВ

КНИГА ПЕРВАЯ
РОМАН

МОСКВА
2018

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Вел)445
Г18

Alwyn Hamilton
REBEL OF THE SANDS

Перевод с английского
Алексея Круглова

Гамильтон Э.

Г18 Пески: трилогия. Наследие джиннов, книга первая: роман / Элвин Гамильтон ; пер. с англ. Алексей Круглов. – М. : ООО «Издательство Робинс», 2018. – 313 с.

ISBN 978-5-4366-0530-2

Палящее солнце и бескрайние дюны, свист песчаных бурь и гром выстрелов, ежедневная битва за жизнь. Мир сказок «Тысячи и одной ночи», где чувственный жар пропитан порохом и пеплом. Героев ждёт беспощадная пустыня, магические огненные скакуны, золотые дворцы тиранов, джинны и прекрасные принцы.

Новая, оригинальная альтернативная вселенная подана автором убедительно и неизбито, с драмой, юмором и неослабевающей динамикой. Сложные, неоднозначные характеры, мастерски прописанные в ярких диалогах, и захватывающие приключения в сочетании с трогательными сюжетными поворотами заставят с нетерпением ждать продолжения.

УДК 821.112.2-312.9
ББК 84(4Вел)445

First published in US by Viking Penguin in 2016
First published in UK by Faber and Faber Ltd in 2016
Bloombury House, 74-77 Great Russel Street, London
WC1B 3DA

All rights reserved

© Blue Eyed books Ltd., 2016

Cover Design and Lettering © Faber and Faber Ltd.

Оригинальное издание впервые опубликовано на английском языке в 2016 году под названием REBEL OF THE SANDS издательством Викинг, Пингвин Рандом Хаус, 375 Хадсон-стрит Нью-Йорк, Нью-Йорк 10014

© ООО «Издательство Робинс», перевод,

издание на русском языке, 2018

Все права защищены. Любое копирование разрешено только с письменного согласия правообладателей

ISBN 978-5-4366-0530-2

Глава 1

Говорят, после заката в Шалмане добрым людям не место. Меня особо злой не назовёшь, но и в добропорядочные тоже, пожалуй, не запишешь.

Я соскочила с седла возле питейного дома с вывеской: «Пересохшая глотка» и оставила Синьку у коновязи. В чёрных глазах парнишки, сидевшего спиной к изгороди, почудилось подозрение. Может, и впрямь почудилось. Надвинув на лицо широкополую шляпу, я выскользнула со двора. Шляпа была украдена у дядюшки, так же как и кобыла. Точнее, позаимствована. На самом деле по закону ему принадлежало всё, включая мою одежду.

Двери пивной распахнулись, выпуская вместе со светом и гомоном хмельного толстяка в обнимку с женщиной. Моя рука невольно дёрнулась, чтобы поправить платок-куфию, скрывающий нижнюю часть лица. Я намотала на себя столько тряпок, что по спине катился пот, как у грешника на молитве. Не стрелок, а какой-то заблудившийся в городе кочевник. Ничего, главное, чтобы приняли за мужчину.

Отсюда надо выбраться живой, желательно ещё и со звонкой монетой в кармане.

Стрельбище на другом конце Шалмана трудно было не найти – такой оттуда доносился шум. Огромный заброшенный сарай по соседству с заколоченной молельней в конце пыльной улицы кишел людьми и сверкал огнями. Прежде он, возможно, служил конюшней какому-нибудь честному торговцу, однако, судя по виду, с тех пор прошло немало лет.

Чем ближе я подходила, тем гуще становилась толпа. Будто стервятники над трупом у обочины. Какого-то бедолагу с расквашенным носом прижали к стене двое, а третий методично обрабатывал ему лицо кулаками. Женщина выкрикивала из окна такое, что покраснел бы даже жестянщик. Мастеровые в засаленных робах сгрудились вокруг кочевника, который расхваливал с ветхой повозки свой товар – кровь джинна, исполняющую желания добрых людей. В свете масляных ламп широкая улыбка продавца казалась не слишком уверенной, что и понятно: уже долгие годы в наших местах вообще не попадалось древних, не говоря уже о джиннах. Опять же, насчёт добрых людей в Шалмане кочевник погорячился. Да и кто из обитателей песков поверит, что у джинна течёт в жилах что-нибудь, кроме жидкого огня. В Захолустье ходили к молитве достаточно часто, чтобы разбираться и в том и в другом.

Я старалась не глазеть по сторонам, как будто не в первый раз здесь. Далеко впереди, за

домами, дорога вилась через пустыню к моей родной Пыль-Тропе, где на улицах сейчас пусто, а в окнах темно. Там встают и ложатся вместе с солнцем: благонамеренность не слишком дружит с ночной тьмой. Если бы от скуки умирали, в нашем посёлке живых не осталось бы. Народ, однако, пребывал в добром здравии.

Когда я проскользнула в сарай, никто из толпы, собравшейся у стрельбища, даже не обернулся. Ряд больших масляных светильников под крышей отбрасывал жирные блики на лица зевак. Тощие юнцы торопливо устанавливали мишени, увёртываясь от тумачков здоровенного мужчины, который их подгонял. Скорее всего, это были сироты, чьи отцы гнули спину в оружейных мастерских на окраине Пыль-Тропы, пока их не разорвало на части или не сожгло живьём – как правило, по пьяни. Порох шуток не любит.

Озираясь по сторонам, я едва не наткнулась на верзилу, дежурившего у двери.

– Вперёд или назад? – рыкнул он, придерживая рукоятку кривой сабли на поясе. С другой стороны висел револьвер.

– Что? – растерялась я, едва не забыв изменить голос. Целую неделю тренировалась говорить, как мой приятель Тамид, но получалось всё равно не по-взрослому – такой мальчишеский тенорок. Однако дверному стражу было всё равно.

– Три фауза за место в задних рядах, пять – впереди, – пояснил он. – Ставки – от десяти фауза.

– А в средних почём? – невольно вырвалось у меня.

Вот кто за язык тянул? Тётушка Фарра уже год не могла выбить из меня излишнюю разговорчивость, но этот громила справился бы куда лучше. К счастью, он лишь нахмурился, приняв, очевидно, шутку за тупость.

– Каких ещё средних? Либо впереди, либо сзади, парень.

– Я не смотреть, – поспешила заявить я, пока храбрость окончательно не улетучилась, – я стрелять.

– Тогда что ты мне мозги пудришь? Иди вон к Хасану. – Он подтолкнул меня к здоровяку с прилизанной чёрной бородкой и в алых шароварах, который барабанил пальцами по низкому столику с дребезжащей грудой монет.

Глубоко вдохнув через куфию, я постаралась успокоить сердце, готовое выскочить через горло.

– Сколько за участие?

Шрам на верхней губе Хасана искривился в ухмылке.

– Полсотни фауза.

Грабёж, да и только! Почти всё, что у меня есть. Целый год откладывала, чтобы сбежать в Изман, столицу Мираджа.

Несмотря на куфию, чернобородый уловил мои колебания, и взгляд его пренебрежительно скользнул мимо. Это и решило дело. Я высыпала на стол пригоршню лаузи и полушек, собранных по монетке с таким трудом. Как

говорит тётушка Фарра, я способна на любую дурость, лишь бы доказать, что кто-то не прав. Собственно говоря, так оно и есть.

Хасан скривился на кучку мелочи, однако, с привычной ловкостью пересчитав деньги, неохотно кивнул. Прилив удовлетворения дал краткую передышку моим издёрганным нервам. Получив от чернобородого деревянную бирку на шнурке, где чёрной краской было выведено: 27, я повесила её на шею поверх ткани, которой перемотала грудь.

– Револьвер в руках держал, двадцать седьмой? – хмыкнул здоровяк.

– Приходилось.

У нас в Пыль-Тропе не хватало почти всего, как, впрочем, во всём Захолустье: воды, пищи, одежды, но только не оружия, ну и песка, само собой.

– Тогда что же руки трясутся? – недоверчиво ухмыльнулся он.

Прижав кулаки к бокам, чтобы успокоиться, я шагнула к очереди стрелков. Чернобородый прав: если револьвер дрожит в руке, то не имеет значения, что ты научилась целиться раньше, чем читать.

Передо мной стоял мужчина в замасленной фабричной робе, тощий – кожа да кости. Вскоре подошёл следующий – с номером двадцать восемь на шее – и встал за спиной.

Толпа зрителей всё прибывала, букмекеры уже принимали ставки. Не на меня, разумеется, – кто в здравом уме поставит на юнца,

который постеснялся даже открыть лицо? Только какой-нибудь подвыпивший чудаков мог бы посрамить здравомыслящих и заработать на мне целое состояние по здешним меркам.

– Добрый вечер, парни! – перекрыл гул толпы мощный голос чернобородого. Вдоль очереди забегали ребятишки, раздавая револьверы. Босоногая девчонка с косичками сунула мне мой. Ощущая приятную тяжесть, я взглянула в барабан – шесть патронов. – Все знают правила и, надеюсь, не забудут, не то – клянусь Всевышним! – своими руками размажу по стенке! – Зрители жизнерадостно загоготали, пуская по кругу выпивку и обсуждая нас, словно покупатели – лошадей в дядиной конюшне. – Первый этап: у каждого по шесть пуль на шесть пустых бутылок. Если хоть одна уцелеет, стрелок выбывает... Первая десятка – на линию!

Мы смотрели, как номера с первого по десятый выстраиваются вдоль черты, проведённой белилами прямо по земле. До бутылок-мишеней – шагов пять.

Ерунда, детская забава!

Тем не менее двое ухитрились промазать почти сразу, и в конце концов из десятки выбыла половина. Одним из победителей оказался настоящий гигант – чуть не вдвое крупнее других стрелков. Разводы жёлтой песчаной пыли на его замызганной армейской гимнастёрке сошли бы издали за золотое шитьё, а на деревянной бирке гордо красовалась косая единица. Толпа разразилась жизнерадостными воплями:

– Дахмад! Дахмад чемпион!

Повернувшись, стрелок поймал за шиворот одного из ребяташек, подметавших осколки стекла, и властно шепнул тому что-то на ухо. Мальчик тут же метнулся и притащил бутылку бурого пойла. Прислонившись к барьеру, отделявшему зрителей от стрелков, великан жадно приложился к горлышку. «Недолго ему чемпионить с такой привычкой!» – подумала я.

Следующая десятка выступила ещё хуже – лишь один из стрелков поразил все мишени. Когда неудачники поплелись прочь, я не без удивления разглядела лицо победителя. Чужак, никаких сомнений – это бросалось в глаза. Все остальные тут здешние. Кому в здравом уме придёт в голову переезжать из нормальных мест в пески Захолустья?

Молодой, на вид чуть старше меня, зелёная куфия небрежно повязана на шее, свободный халат скрывает широкоплечую фигуру. Волосы чёрные, кожа смуглая, как у любого мираджийца, и всё же не наш – непривычно острые черты лица, высокие скулы, квадратная челюсть и прямой разлёт бровей, а такой странной формы глаз я в жизни не видывала. При всём при том скорее хорош собой, чем нет.

Кое-кто из проигравших, уходя, плевал ему под ноги, но он лишь улыбался уголком рта, будто сдерживая смех. Затем, видимо ощутив мой взгляд, поднял глаза, и я поспешно отвернулась.

В последней партии стрелков нас осталось одиннадцать, так что пришлось потесниться, хоть я и занимала едва половину обычного места.

– Эй, двадцать седьмой, шевелись! – Чей-то локоть пихнул меня в бок.

Я резко обернулась, но язвительный ответ застыл на губах. Рядом стоял Фазим аль-Мотем. Мне захотелось выругаться. Кстати, ругаться он меня и научил – в шестилетнем возрасте, а самому тогда было восемь. Взрослые случайно услышали, мне набили рот песком, а этот предатель свалил всё на меня. Пыль-Тропа – посёлок крошечный. С Фазимом мы сталкивались постоянно, и я возненавидела его всей душой, едва начав что-то соображать. Он вечно ошибался у нас в доме, то и дело пытаюсь залезть под юбку моей двоюродной сестре Шире, а то и мне самой, когда Шира отворачивалась.

Какого дьявола ему тут понадобилось? Ах да, конечно... Глупый вопрос. Вот ведь принесла нелёгкая! Одно дело, если во мне просто распознают девушку, и совсем другое, если узнает Фазим. Меня частенько наказывали и после того, как поймали на сквернословии, но до полусмерти избивали только однажды, когда погибла мать. Тогда я впервые позаимствовала у дядюшки одну из лошадей, и нагнали меня уже далеко от Пыль-Тропы, у самой Арчи. Побывав на волосок от смерти после знакомства с плёткой тётушки Фарры, в седле я смогла ездить только через месяц. Если ей теперь доносят, что я играю в Шалмане на припрятанные деньги, тот волосок покажется целой милей.

Разумнее всего было бы потихоньку смыться, но это означало бы потерю полусотни фауза, а деньги найти труднее, чем умные советы.

Я вдруг поняла, что стою по-женски, и поспешила развернуть плечи, глядя на мишени. Новые бутылки уже были поставлены в ряд, а Фазим наставлял оружие: «Бах! Бах!» – и хохотал, когда ребяташки испуганно вздрагивали. Хоть бы его револьвер разорвало и стёрло эту поганую усмешку!

Наконец всё было готово, пол подметён, остались только мы, последние одиннадцать, и мишени перед нами. Слева и справа затрещали выстрелы. Я могла бы поразить все шесть целей с завязанными глазами, но спешить не стала. Прикинула расстояние, выровняла ствол, проверила прицел и только потом потянула спусковой крючок. Крайняя справа бутылка разлетелась вдребезги. Мои плечи немного расслабились. За первой быстро последовали ещё три бутылки.

Нажимая на спуск в пятый раз, я вдруг услышала крик – и в моё плечо кто-то врезался. Пуля ушла в сторону. Фазима кто-то сбил с ног, а он, падая, толкнул меня. Оба мужчины покатались по песку, тузя друг друга кулаками, а верзила охранник, подоспевший от двери, растаскивал их за ворота. Зрители недовольно топали и свистели.

Чернобородый Хасан проводил забияк скупающим взглядом.

– Итак, – возвестил он, перекрывая шум, – победителями первого этапа стали...

– Эй! – крикнула я. – Мне нужен ещё патрон!

В толпе раздались смешки, шею жгло от любопытных взглядов. Вот тебе и не привлекла внимания! Но тут уж ничего не поделаешь – либо качай права, либо уходи с позором.

От презрительной усмешки Хасана к горлу подкатил комок гнева пополам с унижением.

– У нас так не положено, двадцать седьмой, – сплюнул он. – Шесть пуль, шесть бутылок – и никаких вторых попыток.

– Но так нечестно: он толкнул меня! – Я кивнула на Фазима, который прислонился к стене, ощупывая пострадавшую челюсть.

– Здесь не школьный двор, сынок. Честность поищи в другом месте. Стреляй последний раз и вали, а лучше сразу сдавайся.

Все остальные в группе уже отстрелялись, и зрители недовольно гудели, требуя освободить место.

К щекам под куфией прихлынула кровь. Оставшись на линии одна, я повернулась к бутылкам и подняла револьвер, ощущая вес единственного патрона. Тяжело перевела дух, отлепив языком влажную ткань от пересохших губ.

Одна пуля, две бутылки. Только так.

Сделав два шага вправо и отступив на полшага, я наклонила голову, прикидывая траекторию. Если бить точно в середину, вторая бутылка останется целой, но если подрезать слишком далеко, может уцелеть и первая.

Пятьдесят фауза.

Я вытеснила из головы крики и насмешки, любопытные взгляды и внезапно свалившуюся

на меня нежелательную известность. Их место занял страх – тот самый, что терзал меня уже третий день с того вечера, когда я кралась под тёмными окнами, чтобы тайком навестить Тамида, и вдруг услышала своё имя, произнесённое тётушкой:

– ...Амани? – Начало фразы я не уловила, но застыла, обратившись в слух.

– Ей нужен муж. – Голос дяди Азида звучал громче слов его первой жены. – Только он сумеет наконец выбить из девки дурь. Скоро исполнится год, как нет Захии, и Амани можно будет сватать.

Мою мать повесили, и только теперь соседи понемногу переставали проклинать её имя. Дядя произнёс его спокойно, деловым тоном.

– Мне и с твоими дочерьми забот хватает, – раздражённо ответила тётушка Фарра, – а ты ещё и отродье моей сестры подсовываешь! – Имени сестры она после её смерти не упоминала.

– Тогда я сам возьму её в жёны!

Дядя Азид говорил так, словно покупал лошадь. Мои пальцы судорожно вцепились в песок.

– Она слишком молода! – фыркнула тётушка и, судя по тону, презрительно отмахнулась. Этим обычно споры и заканчивались.

– Не моложе, чем Нида была... В конце концов, она и так живёт у меня в доме и ест мой хлеб. – Временами на дядюшку находило, и он мог пренебречь мнением главной жены.

Похоже, идея воодушевляла его всё больше. – Так что пускай либо остаётся как моя жена, либо выметается как чья-нибудь ещё. Мне по нраву первое.

Мне это уж точно не по нраву. Лучше сразу умереть!

Сжав зубы, я глянула на бутылки. Кроме цели, ничто не имело значения.

Я спустила курок.

Первая бутылка разлетелась сразу, вторая закачалась на краю деревянного бруса. По выбоине в толстом стекле было видно, куда отрикошетила пуля. Я затаила дыхание.

Вот они, пятьдесят фауза, которых я могу никогда больше не увидеть. Смерть или спасение.

Бутылка свалилась на землю и раскололась. Толпа взревела.

С облегчением переведя дух, я повернулась, встретив изумлённый взгляд Хасана. Так смотрят на змею, чудом избежавшую ловушки. Чужак смотрел у него из-за спины, приподняв брови. Мои губы под куфией расплылись в невольной улыбке.

– Ну как?

Шрам над губой Хасана искривился.

– Становись на второй этап.